

**Татарская поэзия начала XX века
и русско-западный литературный диалог**

татарская поэзия, русская лирика, западная литература, перевод-интерпретация

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16027.

В эпоху глобализации и консолидации всемирных творческих сил представляется актуальной проблема «русская литература в тюркоязычном мире».

В данной статье мы обратимся к отдельным произведениям татарского поэта начала XX века Г.Тукая, изучая их отношения с русской поэзией «золотого века» с тем, чтобы найти творческие переключки не только с ней, но и с западной лирикой XIX столетия. В понятии «отношения» нас будет интересовать прежде всего проблема интерпретации, осмысленной как перевод, в чем мы следуем за определением В.Е. Хализева, известного отечественного теоретика литературы.

Начнем с того, что при толковании термина «перевод» в расширительном плане, как перевод-интерпретация, мы имеем возможность говорить о генезисе того или иного явления, в частности, о том, как тот или иной образ, художественный прием пронизывает культурные слои, формируя то, что может называться резонансным созвучием схожих явлений в творчестве разных авторов.

Поскольку мы будем оперировать понятиями «русская поэзия в ее отношениях с западной», «татарская поэзия в ее отношениях с русской, а через нее с западной», то нам представляется необходимым в контексте поставленной проблемы обратиться к термину «срединная культура», а также к явлению пассинарности в рамках «срединной культуры».

Термин «срединная культура» и его определение мы берем из работы Б.С.Ерасова «Цивилизация. Универсалии и самобытность». По мнению исследователя, «срединная культура» является как бы соединительным звеном между элитарной и массовой культурой. Она формируется в разных подсистемах культуры, в том числе и в подсистемах, представляющих литературу, изобразительное искусство, музыку [Ерасов 2002: 144]. Думается, есть смысл говорить о пассинарной силе в контексте понятия «срединная культура», поскольку, как смеем утверждать, именно пассинарность формирует «ядра культуры», или «центральные зоны культуры» в литературах Запада и Востока (термины Б.С.Ерасова).

Если говорить о пассинарной силе какой-либо литературы в выражении общечеловеческого и национального, то это – проявление выраженной экспансивности творческих жизненных сил в рамках литературного процесса или явления. О пассинарной силе русской литературы XIX века гениально высказался Ф.М.Достоевский в своем знаменитом очерке «Пушкин». Во «всемирной отзывчивости» А.С.Пушкина, то есть восприимчивости, Ф.М.Достоевский видит силу русской литературы, ее пассинарность как выражение национальной жизненной силы, в которой и проявляется ее активность, способствующая развитию. Благодаря своей восприимчивости русская литература достигла высот, определивших характер не только национальной, но и мировой литературы, а вместе с ней и философии.

Слово этноса, высоким творческим продуктом которого является литература, как свидетельствует опыт этнолингвистической философии, обладает пассинарной силой: «Именно Слово в многообразии своих этнических модификаций служит началом, глубинным истоком формационных различий, поднимает тот или иной народ на арену исторических деяний, определяет лидерство того или иного этноса в осуществлении исторического прогресса» [Гореликов 1999: 28].

Представляя проблему формирования «срединной культуры» в татарской литературе, возьмем лирику Г.Тукая, творчество которого нам будет интересно в его отношениях с русской лирикой XIX века и через нее – с западной поэзией. Известно, что Г.Тукай активно обращался к русской поэзии XIX века, к А.С.Пушкину, М.Ю.Лермонтову, И.А.Крылову, А.Н.Майкову, И.С.Никитину, И.З.Сурикову, Н.И.Познякову и др. Эти обращения в одних случаях давали результаты в форме переводов-интерпретаций, в других – обращение к «чужому» становилось толчком для рождения собственного оригинального произведения.

В контексте сказанного нас интересует то, как эта восприимчивость к «чужому» расширяет горизонты творческих возможностей поэта, дает ему возможность быть вписанным в культурный контекст мировой литературы и самое главное – как восприимчивость поэтического дара Г.Тукая формирует пассионарную силу его творчества, благодаря которой и были наработаны закономерности «общего правила» татарской поэзии начала XX века. Следовательно, нас будут интересовать те произведения Г.Тукая, в которых существует творческая связь Г.Тукая с западной поэзией через русскую. Здесь можно, как нам кажется, говорить не только о тех произведениях Г.Тукая, в которых очевидны ссылки на западных поэтов через русские тексты, но и о тех, в которых эти ссылки не очевидны, но их можно предположить как возможные, что, естественно, расширяет горизонты толкований творческих связей татарского поэта начала XX века с мировой поэзией, в частности, с западной.

Сказанным выше определяется наше внимание к тем стихотворениям Г.Тукая, в которых нет явных указаний на обращения к тем или иным авторам, произведения которых и представляют интерес с позиций нашего толкования интертекстуальных связей текстов поэта.

Возьмем, к примеру, стихотворение Г.Тукая «Киңәш» («Совет») (1909) [Тукай 2011, II: 66], которое, по свидетельству комментаторов, написано под влиянием стихотворения русского поэта Н.И.Познякова «Не жалею о днях минувших» [Тукай 2011, II: 320]. Подчеркивается то, что по причине отдаленности от оригинала текст Г.Тукая воспринимается в качестве самостоятельного произведения. Интересно, что более пристальное вчитывание в текст стихотворения выводит нас на интертекстуальные связи не только с Н.И.Позняковым, но и с А.С.Пушкиным, а через него с Г.Гейне.

Стихотворение состоит из трех двустиший, бейтов, каждый из которых содержит законченную мысль. Тукаевское произведение явно перекликается со стихотворением А.С.Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» [Пушкин 1985, I: 352]. Афористично выраженная мысль А.С.Пушкина о жизни в ее изменчивости, непостоянстве («Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись») является как бы тезисным выражением содержания тукаевского стихотворения:

*Чикмә гамь шул нәрсәгә: синнән гомернең еллары
Алган аны бер дә бирмәскә – очырган җилләре.
Тормышыңның агымында инде ул киткән агып;
Кайгырудан файда юктыр – булмый инде кайтарып.
Түкмә күз яшь: ярдәмеңдә һәр заманда Алла бар;
Ал җәсарәт, алга омтыл, һич ялыкмый алга бар!*

*(Не удивляйся тому, что годы твоей жизни
Были забраны, чтоб не возвращать – развеяны ветром.
Уплыли они в течение твоей жизни;
Нет пользы в сожалении – нельзя их вернуть.
Не проливай слезы: в любое время в помощь есть Бог;
Будь смелее, стремись вперед, неустанно вперед шагай!)*

Смысловая структура обоих стихотворений держится на антитезе «жизнь – противостояние жизни», экзистенциальная суть которой сводится к мысли о том, что жизнь (судьба) всегда сильнее человека, однако человек не должен чувствовать себя обреченным, он обязан, не падая духом, верить в лучшее. И потому у А. С. Пушкина – «*В день уныния смиришь: / День веселья, верь, настанет*», а у Г. Тукая – «*Нет пользы в сожалении – нельзя их вернуть. / Не проливай слезы: в любое время в помощь есть Бог*».

Любопытно и то, что стихотворение Г.Тукая, перекликающееся со стихотворением А.С.Пушкина, имеет общее и со стихотворением Г.Гейне «Тени, тени – все для тлена...» [Гейне 1989: 129]:

*Тени, тени – все для тлена –
Поцелуй, жизнь, любовь.
Да, мой ангел, все мгновенно,
Что прошло, не будет вновь.*

*Чем владели, что любили –
Все виденья, звуки, сны.
И сердца давно забыли,
И глаза усыплены.*

(пер. В. Левика)

Пушкинско-гейновский образ «все мгновенно» у Г.Тукая выражается двойной метафорой: «*годы твоей жизни <...> развеяны ветром. / Уплыли они в течение твоей жизни*». Вместе с тем в высказывании мысли о том, что все в жизни недолговечно, «мгновенно», Г.Тукай своей оптимистической оценкой человека в его противостоянии жизни ближе к А.С.Пушкину, чем к Г.Гейне, у которого доминирует пессимистическая тональность. Пушкинское двустрочие «*Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило*» – это поэтический афоризм, ставший формулой жизни.

Если говорить о тех произведениях Г.Тукая, в которых очевидны ссылки на западных поэтов через русские тексты, то, в контексте выявления текстуальных связей лирики Г. Тукая с лирикой Г.Гейне, можно обратиться к стихотворению «Кемнән ярдәм эзләргә?» («У кого искать помощи?») (1908) [Тукай 2011, I: 255]. Стихотворение имеет следующий подзаголовок: «Майковтан тәржемә» («Перевод из Майкова»). Комментаторы поэта снабжают нас чрезвычайно ценным указанием на то, что тукаевский текст – это перевод-интерпретация стихотворения русского поэта второй половины XIX века А.Н.Майкова «Много слышал добрых я советов...»; майковский текст, в свою очередь, входит в цикл переводов и вариаций автора из Г. Гейне, написанный в 1852-1867 годы [Тукай 2011, I: 374]. Ирония как эстетическая тональность стихотворения Г. Тукая отчетливо сближает татарского поэта с Г. Гейне, который одним из первых в немецкой романтической поэзии разработал эту категорию.

Заключая сказанное, подчеркнем, что рассмотренные интертекстуальные связи лирики Г.Тукая со стихотворениями русских поэтов и через них – с произведениями западных поэтов становятся фактором формирования явления «срединной культуры» в лице Г.Тукая. Явление это позволяет утверждать, что проблема перевода, осмысленная как интерпретация текста, непосредственно связана с проблемой формирования «ядра» татарской национальной поэзии, поскольку обращение к «чужому» содержит в себе пассионарную силу притяжения, которая и является необходимым условием формирования «срединной культуры».

Пассионарная сила творческой личности, проявленная как в восприимчивости, так и в силе притяжения, способствует зарождению различных видов связей и отношений между литературными явлениями, литературами в целом, благодаря чему и формируется то, о чем мечтал И. Гёте – «всемирная литература».

Таким образом, художественная система стихотворений Г.Тукая, в которых он обращается к русской поэзии, говорит об отношениях «Тукай – русская поэзия», «Тукай – европейская поэзия» и, в частности, о том, как из «первичного высказывания» выстраивается реальное или возможное «высказывание вторичное», в результате чего создается совокупность художественной системы, весьма интересная в решении поставленной нами проблемы перевода как интерпретации текста. В рамках данной работы мы говорим о возможных / явных отношениях Г. Тукая с русской поэзией XIX века, а через нее – с немецкой романтической поэзией (с поэзией Г. Гейне).

Литература

Гейне Г. Избранные сочинения / пер. с нем. / Г.Гейне. – М.: Художественная литература, 1989. – 702 с.

Гореликов Л. А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии / Л.А.Гореликов, Т.А.Лисицина // Символика смысла в структурах бытия: в 2 частях. – Ч. I. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ имени Я. Мудрого, 1999. – 96 с.

Ерасов Б.С. Цивилизация. Универсалии и самобытность / Б.С.Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

Пушкин А.С. Сочинения: в 3 томах / А.С.Пушкин. – Том I. – М.: Художественная литература, 1985. – 735 с.

Тукай Г. Сочинения: в 6 томах / Г.Тукай. – Т. I. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – 407 с. (на тат. яз.).

Тукай Г. Сочинения: в 6 томах / Г.Тукай. – Том II. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – 407 с. – 384 с. (на тат. яз.).